

Мария
Николаева

Восток на Западе

Самоисследование
мессианства

Мария Николаева

Восток на Западе.

Самоисследование мессианства

«Автор»

2016

Николаева М. В.

Восток на Западе. Самоисследование мессианства /
М. В. Николаева — «Автор», 2016

ISBN 978-1-53-691469-6

После десяти лет непрерывной жизни и работы в Азии автор возвращается в Россию и переносит самоисследования в Европу. Автобиографический сборник содержит интервью автора для масс-медиа, репортажи об исконной западной культуре и осмысление преподавания восточных практик в европейской реальности. Данный текст послужит источником вдохновения для тех, кто осознает свое бытие в мультикультурном мире и строит стратегию саморазвития с учетом актуального диалога между Востоком и Западом. Книга продолжает собой автобиографическую серию, в которой ранее были опубликованы книги о более ранних периодах: Мария Николаева «Избавление от жития: Русские корни» (1880–2004), а также сборник Атма Ананда «Сакральная Азия. Монолог о Себе», ранее доступный на "ЛитРес" как отдельные тексты Атма Ананда "Сакральная Азия: Традиции и сюжеты" и Шанти Натхини "Монолог о Себе в Азии".

ISBN 978-1-53-691469-6

© Николаева М. В., 2016

© Автор, 2016

Содержание

Введение	6
Интервью и репортажи	10
Возвращение в Россию	10
О технике духовного развития	12
Эмиграция за «лучшей жизнью»	18
Взгляд философа на Грецию	23
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Мария Николаева
Восток на Западе.
Самоисследование мессианства

Copyright

© 2019 М.В. Николаева

All rights reserved.

* * *

Введение

Даршана и алетейя

Феномен очевидности как неизменности сознания на Западе и Востоке. Доклад Мариш Владимировны Николаевой на третьей международной научной конференции "Психотехники и измененные состояния сознания". Организаторы: Ассоциация исследователей эзотеризма и мистицизма и Русская христианская гуманитарная академия. Санкт-Петербург. 21 марта 2015 г.

«Мистическое воссоединение» (единичного с всеобщим) как реалистический проект, предполагающий «измененные состояния сознания», исходно содержит в себе противоречие: мистика окутывает тайной, а единение привносит ясность. Здесь будут рассмотрены те формы самореализации, где людям удавалось избавиться от мистификаций в достижении единой цели на Востоке и Западе. Каждая мировая религия в своем развитии содержит борьбу не только за правильное понимание истины, но и за право на доступ к истине. В таком противостоянии «посвященных» с «провидцами» постепенно вырабатывалась специфическая терминология, позволяющая описывать, каким образом «тайное становится явным».

Приведенная здесь подборка примеров не полная, а лишь показательная – рассматриваются по три ключевых религии на Востоке (индуизм, буддизм, даосизм) и на Западе (язычество, христианство, мусульманство), хотя сама граница между Востоком и Западом в эпоху глобализации уже стала достаточно условной. В попытках утвердить и доказать несокрытость истины выявляются тенденции динамического соотношения тайного и явного в самопознании. На социальном уровне последовательно делается усилие не позволять священникам "обманывать народ" обещаниями воссоединения с Богом в некоем ограниченном определении вместо прямого осознания своего единства с самим Единым.

Ясность на Востоке

Даршана в индуизме. Это санскритское слово имеет два главных значения – философская школа и явление бога. По своей сути, восточная философия выступает систематическим боговоплощением. Шесть даршан составляют цельный корпус философской мысли в традиции веданты, образованной как завершение вед, то есть окончательное снятие внешней ритуальной практики ради внутренней углубленной работы над собой, при которой становится возможным прямое осмысление высшего первоначала вплоть до единения с ним в снятии субъект-объектного отношения. Так мистические культы сменились ясным и отчетливым пониманием сути дела еще два с половиной тысячелетия назад, однако сохранились наряду с философией и духовной практикой доселе! Иными словами, эволюция не исключает инволюцию, скорее углубляет слой тины, из которой вырастает лотос.

С тех пор каждый индуист имеет выбор – затуманивать образ бога дымом очага и воскурением благовоний или же прояснять образ бога в медитации на сущностном единстве. Религиозные таинства смущают искателей истины. Священники и шаманы остались бы не при делах, если бы люди не стремились откладывать воссоединение из любви к дурману как таковому. Так и даршан в смысле богоявления не всех удовлетворяет в чистом виде – преданные и здесь находят повод для воскурений. Мистический туман не ведет к воссоединению, но ведь какое множество мистификаций накручено на результатах ясного видения в медитации как чистом единении! Своеобразный "откат" от просветления зачастую случается не только из-за невозможности удержать состояние чистоты, а во многом провоцируется искушением заманчивого паранормального опыта в астральных мирах.

Йога – воссоединение. Одна из вышеназванных шести даршан, или философских систем веданты, уже по самому своему названию означает единение (индивидуальной души с всеобщим духом). Так переводится слово "йога" с санскрита – "воссоединение". Но здесь нет и не может быть ничего мистического! Наоборот, это система полного контроля над сознанием, где не остается никаких замутнений, исключается всякое мистифицирование. Есть лишь личный опыт – ясный и отчетливый, на основании которого уверенно делаются следующие действия по снятию покровов майи вплоть до полного освобождения. Обычно покровы, принадлежащие к сфере множественности, именуются физической, энергетической, ментальной и др. оболочками (кошами), где вторая и третья часто становятся сферами символического раскрытия-сокрытия, тающего в безобъектной медитации.

В результате такой медитации не остается никакой тайны бытия, а есть только само чистое Бытие. Мистические явления воспринимаются лишь как «вешки на пути», и любые сверхъестественные способности становятся прозрачны в своей закономерности и больше не интересны адепту. Об этом говорится всвязи с сиддхами как побочными явлениями, на которые просто не следует обращать внимания, чтобы не завязнуть в астрале, который представляет собой огромное "болото" на пути к просветлению и освобождению. Йога выступает против мистики – однако мистика поглощает йогу! Так создаются мистические течения в тантризме, где сама йога ставится на службу низшим силам и духам. Все было ясно как день, однако единение без разделения скучно для ума человеческого, вот и накручиваются новые формирования физически и энергетически ориентированной псевдо-йоги.

Випассана в буддизме. Будда открыл технику прямого видения реальности как она есть после двух радикальных демистификаций на своем собственном духовном пути. Ни ритуальная даршана, ни йогическое самадхи его не удовлетворили в поисках истины. Вначале он разоблачил священство, нагнетающее туман в народе, жаждущем лицезреть бога живого, однако втянутом в бесконечные церемонии поклонения тем или иным образам и подобиям божиим. А затем он отказался также и от йогических достижений в форме сверхъестественных способностей, полученных по мере жесткой аскетической практики. Призванная снять все покровы с реальности, йога в форме самадхи как единения представлялась ему последним покровом. Ни красочные церемонии, ни энергетические завихрения не должны застять подлинную реальность, которая в пределе с очевидностью пуста.

По всем законам диалектики, когда достигается полное единство, то не остается ничего иного, а есть только великая пустотность. Здесь снова нет никакой мистики – и современная физика постепенно открывает подлинную реальность, явленную Будде в медитации более двух с половиной тысяч лет назад. Творение вселенной из пустоты, создание каждой вещи из атомов, которые тоже суть концентрированная пустота, и больше ничего – никаких новых озарений квантовая физика не дала. Однако сам Будда не сумел окончательно отвратить людей от мистификаций – так после хинаяны возникли сначала махаяна (восстановление религии), а затем и ваджраяна (возврат к тантрической йоге). Даже хинаяна не избежала ни ритуализации, ни смешения с языческими культами. Так, бирманский монах при работе над ясным сознанием может поклоняться богу и кормить духов.

Ясность на Западе

Алетейя и софистика. Нетрудно проследить, как аналогичные процессы происходили в Древней Греции, где языческие мистерии сменяла философия как любовь к мудрости.

Принцип несокрытости истины восставал против храмового мистицизма, лишал жречество привилегии на связь с богами. Исключая трансовое посредничество, философия отдавала приоритет прямому видению человеком чистого бытия сначала в форме "идеи блага". Однако такая идея в дальнейшем признавалась как "идея идеи", или абстрактное объединение всех идей! Единение как чистая идея служила развитию древнегреческой философии, но служи-

тели культов не собирались сдавать позиции. Как известно, Сократа отравили за непочтение к богам, ибо он следовал внутреннему голосу, своему личному "демону", а не вещаниям пифии, которая впрочем сама же признала его мудрейшим из людей.

И все же необходимость сохранения мистического тумана не спасла древние языческие культы от разоблачающего прояснения. Сократа удалось уничтожить, но "развращенную" им молодежь уже невозможно было отвлечь от самостоятельного мышления – и философия продолжила развитие. Способность созерцать чистые идеи стала цениться выше, чем способность быть проводником нечистых духов. А духи не чисты просто по самому их определению не-всеобщих, а особенных сущностей, не достигающих воссоединения. Но позже философия отчасти выродилась в софистику, создававшую покровы изощренного мудрствования, которые вторичным образом поддерживали мистицизм, а позже преобразовались в средневековую христианскую схоластику, больше известную как синоним беспросветной зауми. В итоге, бога загроздили доказательствами его бытия!

Явление Сына Божьего. Христианство как новая религия непосредственного откровения и единения человека с богом (буквально "обожения") положила конец языческим культам гораздо вернее, чем философия для избранных. Разрушение языческих капищ означало решительную борьбу с ранним мистицизмом ради едино-божия. Борьба велась преимущественно именно с многобожием, которое само по себе служило главным признаком неистинной веры. Впрочем, усердное воссоединение во многом происходило посредством "отрицания отрицания" – путем не воссоединения, а разрушения многого с целью узреть единое. Устранение посредников между подвижником и личным богом поначалу исключало даже иконопочитание и т. п., настолько ревностны были первые христиане в предпочтении прямого воссоединения опосредованиям в любых формах таинств (мистерий).

Но мистерии оказались неистребимы в веках – в наше время мы не удаляемся в пустыни, а заходим в церковь как лабиринт опосредований в виде икон, таинств, священства... Между нами и Иисусом Христом стоят полчища святых, канонизированных за два тысячелетия, и мы просим их помолиться за нас, больше не веруя, что бог услышит нас напрямую. Что и говорить о мистицизме Троицы, где единство снова превратилось в таинство, непостижимое человеку иначе, чем по милости самого бога. А милость достигается смирением перед всеми представителями бога – старцами, монахами, священниками. Прямое единение по формуле «Не я живу, а живет во мне Христос» едва ли доступно современному монаху, что и говорить о мирянах! Неудивительно, что все чаще западные люди и образованные россияне в поисках прямых форм единения обращаются на Восток!

Нет бога кроме Аллаха! Изначально мусульманский ренессанс был вызван порывом вернуть единству приоритет над мистификациями. Христианство к тому времени пошло по пути примирения с множественностью покровов, постадийностью откровения, церковной иерархией. В такой среде относительно легко зарождалось так называемое мистическое христианство, ставшее популярным в средневековье. Даже "охоту на ведьм" могли организовать только те, кто верили в ведьмовство как реальное явление, иначе не было смысла. Так астральные покровы начали окутывать христианское сознание, утрачивающее свое единство в боге ради уничтожения частных, на которых оно и концентрировалось. Разлад в церкви и, как следствие, двойственность сакрального и профанного миров, где далеко не все божественно, а признается бесовщина, требует нового единения.

Перед молящимся мусульманином снова остается только полная пустота на алтаре, чистое бытие. Бог один, и воссоединение происходит исключительно напрямую, без обращения к посредничеству изображений. И снова раздается призыв сносить капища и устранять идолопоклонство, даже по отношению к гробницам пророков и ликам предтеч самого ислама! Единение с Богом "мистично" только в смысле "чуда" его внезапного откровения для неискушенного разума верующего. Нет таинственности незримо происходящего процесса обожения,

скрытого от понимания самого преображающегося человека. Вот почему так легко принять ислам – достаточно лишь провозгласить единство. Впрочем, сам ислам постигло разделение на суннитов и шиитов, занявшихся поиском неверных дург в друге. А что за единство в исламе, когда нет единства между мусульманами?

Глобализация

Мы привели по три примера эволюционных попыток в разных культурах перейти к прямому единению, избегая мистицизма. И все они на поверку оказались тщетны! Что же такое современная тенденция к глобализации, как не глобальная мистификация, отодвигающая реальное воссоединение человечества? Мнимое единство скрыто мутным потоком сверхъестественных сил, одурманивающих всеобщее сознание. Сейчас мистика замещается черной магией виртуального астрала, которая преумножает сущности, раздваивает внимание, лишает человека ориентации. Нет главного – ясности! Но в 20-м веке на Западе возродилась концепция алетеи (в трудах Хайдеггера), а на Востоке стали восстанавливать йогу и випассану. Человечество отчаянно нуждается в прямом видении реальности, как она есть, и это само по себе очевидно как нечто общее для всех людей.

Сейчас зарождается новое сознание человека, который определяет свое вероисповедание как «не религиозный, а духовный». А это значит, доступное ранее немногим смелое решение самому определять картину мира и параметры саморазвития становится широко распространенным. Мы видим все больше преподавателей, работающих по своим авторским методикам, и все больше способности доверять такому «непроверенному временем» экспериментаторству. Феномен «буддовости» обретает массовость. Конечно, никто не берется судить, насколько подобное новаторство сумеет закрепиться настолько, чтобы взращивать целые поколения самостоятельно мыслящих людей. Моя методика «стратегия самобытности» позволяет описывать некоторые параметры подобной самобытности, однако следует признать, что все мы живем сейчас в эпоху великого духовного эксперимента!

Интервью и репортажи

Возвращение в Россию

Интервью с Марией Николаевой, вернувшейся в Россию после 10 лет в Азии.

Николай Марьин для проекта «Окно в Россию» на радио «Голос России». 30 июня 2014 г.

– Прошло полгода со времени Вашего возвращения – что здесь изменилось?

– Впервые пройдясь в декабре по заснеженному Невскому проспекту в Петербурге, где я прожила всю жизнь до своего "восточного периода", я была вынуждена констатировать, что ничего не изменилось не только с начала нулевых, но и со времен Достоевского... Впрочем, социальные изменения наблюдаются – в России стало необыкновенно комфортно жить, а главное для меня – повысился спрос на духовность в массах!

– То есть Вы стали востребованы как "носитель знаний" восточной премудрости?

– Востребованность была всегда ощутимой – ведь во время моей жизни в Индии здесь выходили массовыми тиражами мои книги и статьи в журналах, а в последний пятилетний период преподавания на Бали ко мне приезжали в основном русские ученики. Но сейчас она перешла в очный формат, и действительно – эти полгода прошли как непрерывные презентации, лекции, занятия, консультации и пр. Признаться, я даже устала! Но нельзя сказать, что меня рвут на части, по самой простой причине – здесь не только высокий спрос на обучение, но и огромное количество предложений – так, на одном только ресурсе в Петербурге зарегистрировано около 800 тренинговых центров. Вдумайтесь в эту цифру – все хотят преподавать! Как сказал мне один из организаторов моих встреч с читателями: "У Вас обязательно будут ученики – ведь многие хотят начать обучать, но сами не могут найти хорошего учителя!" Комично, не правда ли? Мы даже затеяли с коллегой проект по сканированию "тренинговой среды" – это так актуально!

– А какие изменения произошли в издательской сфере вообще и лично для Вас?

– Надо сказать, эти изменения произошли гораздо ранее моего возвращения, ведь популярные издательства, где печатались мои книги, очень сильно пострадали во время финансового кризиса, и тогда же появились системы продажи электронных версий вроде "ЛитРес", – поэтому еще пять лет назад я заочно перешла в России в другой формат публикаций, а на бумаге печатались статьи в журналах на Бали и книги в системе "печать-на-заказ" в США с распространением через "Амазон". То есть я стала смещаться с российского книжного рынка на международный в конечном счете. Посему возврат в Россию был связан с некоторым упованием на возобновление печатных изданий на русском языке для россиян. Но мне повезло гораздо больше – фактически я пришла к осуществлению своей давней мечты, которую можно вкратце обозначить как "все книги – в одном издательстве", ведь ранее они выходили в доброй дюжине издательств в совершенно разношерстном оформлении, которое мне самой не всегда нравилось.

– О каком издательстве идет речь в таком случае – и сколько книг уже вышло?

– Это издательская группа "Традиция" (Москва), которая парадоксальным образом оформилась как самостоятельное издательство лишь весной текущего года, тогда как занимается распространением текстов еще со времен советского самиздата, причем во втором поколении единомышленников! Они нашли меня довольно быстро после возвращения, и когда я согласилась дать индивидуальную консультацию по духовной практике для москвички, приехавшей с другом на пару дней в Петербург, я даже не подозревала, что мои книги давно читают и собирают с вполне определенными перспективами. Так зародился проект "авторской серии", где сначала выйдут книги, которые печатаются уже вторыми и третьими изданиями,

а потом запланировано издание моих новых творений, пока доступных лишь в электронном виде. Сейчас отпечатаны книги "Основные школы хатха-йоги" (научное издание) и том по адвайта-веданте, куда вошли тексты о Свами Вивекананде и Рамане Махарши. На очереди том по нити-шастре, куда войдут мои интерпретации Панчатантры и Хитопадеша и т. д.

– *Чем отличается опыт сотрудничества с "Традицией" от других издательств?*

– Признаться, я никогда ранее не сталкивалась с таким реальным пиететом к КНИГЕ. Большинство нынешних издательств гонит массовыми тиражами небрежно оформленные брошюры на желтой бумаге, а солидные издания выглядят скорее неживыми, почти пластмассовыми. Здесь же бумажная книга воспринимается как вещественный объект, с которым человек вступает в реальные отношения – книги делаются так, что их просто хочется держать в руках, расставлять на видном месте в доме, дарить в качестве подарков близким людям и пр. То есть это не просто упаковка для некоторого блока информации, а самостоятельный субъект его передачи, если я выражаюсь не слишком заумно по-философски. Мне также нравится коллектив издательства, где все делается очень оперативно, но при этом тщательно. Приятно отношение ко мне как автору, где со мной во всем советуются, а ведь такое встречается на книжном рынке крайне редко – там продукт важнее творца. И чисто личный резонанс – у нас практически совпадают вкусы в том плане, как книги должны выглядеть... Некая предустановленная гармония – даже настаивать ни на чем не приходится, все как надо!

– *А почему Вы делаете акцент на Западе, находясь в России?*

– Позвольте напомнить, что Петербург – это и впрямь "окно в Европу", а сравнительно с Азией так и вовсе Европа (по мудрому заключению моего немецкого друга). Ведь Россия – по сути своей Евразия, то есть Европа для азиатов и Азия для европейцев. Да, есть конкретные планы по дальнейшему продвижению на Запад – и распространению книг среди русской диаспоры в странах Европы, и выездные программы. Лично меня сейчас интересует Греция – позвольте напомнить, что первый диплом бакалавра философии я защитила по "Метафизике" Аристотеля, работая с оригинальным текстом на древнегреческом языке, и только второй диплом специалиста по философии был уже посвящен востоковедению с акцентом на йоге. Для меня внутренняя тенденция "маятника" воспринимается не как продвижение на Запад, а как возврат к себе – восстановление личного баланса между Востоком и Западом. Или ностальгия по своей молодости... А мои издатели недавно вернулись с острова Мадейра, куда мне возможно тоже предстоит наведаться, как знать... Но это не значит, что я как бы "проскакиваю" Россию в сфере своих интересов – мне здесь все чрезвычайно интересно, не случайно я настолько углубилась в преподавание, не заметив, как полгода прошло!

– *Так Вы планируете покинуть Россию снова – или оставаться здесь жить?*

– Я вообще не ставлю так вопрос, где лучше жить – это диктуется рабочей ситуацией в целом. Иными словами, я буду жить там, где будут наилучшие условия для моего развития как писателя и преподавателя. Сейчас они вполне комфортны в Петербурге, я наслаждаюсь сложившейся здесь творческой атмосферой. В Азии для меня уже не было ничего нового, а здесь за прошедшие годы появилось много нового – как вызовов, так и шансов! Но есть новые проекты, которые рано или поздно начнут реализовываться, тогда я снова начну ездить. Вообще, опыт жизни в 10-ти странах на протяжении в общей сложности 12-ти лет показывает, что в современном мире базовый социум везде одинаковый, и в бытовом плане особой разницы нет. Конечно, есть культурная разница, но моя методика самоисследования как раз и предполагает помещение себя в различные культурные контексты для отработки стратегии самобытности, нахождения ключевых стыковок в разных духовных практиках. Подчеркну, как философ я дистанцирована от политики, поэтому мое местонахождение не диктуется политической ситуацией, которая доселе меня никак не затрагивает. И сильно надеюсь, что профессионализм позволит мне избежать втягивания в политику!

О технике духовного развития

«Студенты могут получать дипломы специалистов по мистике»: Мария Николаева о технике духовного развития. Интервью Александры Добрянской для портала «Теории и Практики». Фотосъемка Зарины Кодзаевой в Центральном Телеграфе. Москва. 14 октября 2014.

Мария Николаева – не только теоретик-специалист по философии, но и практик, исследующий восточные техники духовного развития. «Теории и практики» поговорили с Марией, пытаясь разобраться в текущих взаимоотношениях между ортодоксальной наукой, эзотерикой и религией.

– Начнем с вашего образования – где вы учились и что это вам дало?

– Моя юность попала на перестройку, и в советский период я пошла учиться на биофак СПбГУ. Развал Советского Союза меня застал на втором курсе, и, когда выяснилось вдруг, что есть некий Бог, с которым нужно разобраться, мне пришлось очень быстро перестраиваться. Появился интерес к религии. В Петербурге тогда лекции по философии собирали огромные залы, был реальный философский бум. Сначала я некоторое время проходила «школу жизни» в дурдоме, монастырях. Потом училась в лектории Университета философских знаний, но там не давали систематического образования, хотя туда приглашали огромное количество интересных людей, профессоров.

Первое из оконченных мною заведений – Высшая религиозно-философская школа. Она давала только степень бакалавра – правда, тогда это был негосударственный диплом. Там собрались очень творческие люди, которые имели научные степени. К примеру, мой научный руководитель Алексей Григорьевич Черняков считается одним из тех, кто восстановил философское образование в России, но, к сожалению, он уже ушел из жизни. Сейчас о нем можно прочитать на сайте СПбГУ со всеми положенными восхвалениями – а при жизни ему пришлось гораздо тяжелее.

Иными словами, это была творческая группа, в которой были профессионалы, но они, собственно, создали новое тогда для России образование. Они набирали небольшое количество студентов, образование было платное (конечно, в очень разумных пределах для 90-х годов), доступное, вечернее – чтобы люди могли работать. Они создали программы, включавшие курсы, на которых не столько учили (как это часто бывает), что сказал тот или иной философ (чтобы потом пересказать тому же преподавателю на экзамене), сколько читали тексты в оригинале, в подлиннике. И более того, учили древние языки по выбору студента: у меня были все четыре года – древнегреческий, один год – немецкий, один год – латынь. Мой диплом по метафизике Аристотеля был написан по древнегреческому оригиналу, с анализом всех понятий.

Конечно, после этого было достаточно сложно найти работу, но так сложилось, что, как только я получила диплом, я сразу вылетела в Индию к Сатья Саи Бабе (у меня потом было еще несколько поездок к нему и даже личные интервью), и тогда я решила получать уже качественное индологическое образование.

Я пошла в институт, где была специальность «индология». Студенты могли составлять индивидуальные программы, были приглашены очень хорошие специалисты. Поскольку образование было платное, то приглашали не просто преподавателей СПбГУ или Академии наук, а именно лучших. Тогда это заведение называлось Русский христианский гуманитарный институт, сейчас это Русская христианская гуманитарная академия (далее – РХГА).

Деньги я зарабатывала, работая редактором в государственных вузах (я училась и работала одновременно, поскольку одно образование у меня уже было). Так получилось, что в РХГА я два года отучилась на индологии, а потом перешла на философию, поскольку на

факультете индологии не брались руководить дипломом по йоге. Профессора были хорошие, с мировым именем – Валерий Исаевич Рудой, Елена Петровна Островская и др., но они сами не были практикующими йогами, хотя много переводили с санскрита – в основном буддийские тексты. А потому защищаться там именно по той теме, которая меня интересовала, не получилось; меня тянуло в философию. И так уж вышло, что второй диплом у меня тоже по специальности «философия», правда, на сей раз – «восточная философия».

Как только я закончила второй вуз и защитилась, у меня начали выходить книги. Вот почему сразу после этого я покинула Россию. Я уехала в Индию с трехмесячной визой и \$300, а вернулась с Бали практически через десять лет. Я работала: сначала я продолжала работать редактором, были договоры на издание книг. Потом появлялись заказы на переводы йогической литературы. Это был рискованный вариант самоокупаемости, где либо я за короткий промежуток времени зарабатываю очередные деньги, либо оказываюсь на улице. Меня никто не спонсировал, не поддерживал, не было постоянного источника средств.

– *Когда вы начали практиковать?*

– Если говорить о практике вообще, то сначала это было христианское умное делание по «Добротолочию». Я много ездила по России, в частности, была в Валаамском монастыре, где меня научили азам духовного делания.

Вообще, получился некий микс из всего, что мне удалось найти в самом начале 90-х. У нас тогда организовался орден по «пути воина» Кастанеды, – мы его действительно практиковали. Правда, это была достаточно экстремальная организация с очень жестким подавлением личности, почти черномagический орден. Не буду называть никаких имен, тем не менее пару лет я там просуществовала.

Еще одна составляющая – мой опыт работы в дурдоме, где меня интересовало инаковое сознание. Я очень сильно заразилась, потому что психические болезни заразны. Это суицидальные тенденции, депрессии, истерики и т. д. Я попала туда, пойдя работать санитаркой, – грубо говоря, мыть унитазы по графику сутки через трое. Эти смены давали мне возможность общаться с психами.

Этот опыт заставил меня впоследствии серьезно «чиститься». Мой преподаватель по философии познакомил меня с экстрасенсами, которые в процессе этой чистки напробывали мне ауру так, что у меня буквально через месяц открылись паранормальные способности. Я начала видеть ауры, вылетать из тела и прочее.

Вот так выглядела практика в начале 90-х. Я тогда даже делала самопальные затворы, самый длинный продолжался три месяца. Все это так варилось, пока я не попала в Индию. Попала я туда благодаря экстрасенсам, которые устали меня «чистить» и решили отправить к кому-нибудь посильнее. Им пришло на ум, что это должен быть Сатъя Саи Баба – а почему бы и нет?

Конечно, попав в Индию, я начала со всем разбираться. В России к тому времени все тоже начало активно развиваться, и тогда же я начала заниматься и йогой, и даосизмом, и рейки и др. Постепенно уже к концу 90-х у меня набрался большой опыт. Диплом я писала на индийском материале, он назывался «Философские основания современной школы хатха-йоги», потом он вышел в «Петербургском востоковедении» как научная работа.

К тому времени меня начали просить писать мои коллеги, делиться опытом. Был 2004 год, когда стали выходить мои первые книги. Но к тому времени накопился уже 15-летний опыт практики – если начинать считать с 1989 года, когда я ушла с биофака.

Конечно, в то время было довольно сложно все как-то вычленить – все кипело, кишело, бурлило, была куча проб и ошибок, метаний. Только последние, наверное, десять лет (с 2004 года) практика стала систематичной и качественной.

– *Как у вас складываются отношения с академической средой? Есть ли у вас друзья среди математиков, физиков, химиков?*

– Дружбой это назвать, наверное, сложно. Есть контакты, но, поскольку это люди занятые, контакты эти происходят не так уж часто. Я ушла из академической среды практически сознательно: когда я получала второй диплом, я фактически работала в издательстве СПбГУ, я входила в академическую среду – редактировала научные труды, книги профессоров и так далее. То, что я уволилась и уехала, было моим радикальным выбором.

Но некоторые связи остались, и одна из самых прочных и длительных – мое членство в Ассоциации исследователей эзотеризма и мистицизма, которую организовал мой бывший оппонент на защите второго диплома Сергей Владимирович Пахомов. Мы переписывались весь десятилетний период моего пребывания в Азии. Когда он организовал эту структуру, я стала одним из первых членов, которые туда вступили, и это позволяет мне оставаться на связи с академической средой, дает возможность делать доклады.

– *Как складывается общение с людьми с научным бэкграундом, которые в штыки воспринимают духовные практики?*

– Духовными практиками занимаются очень многие люди из числа философов, психологов. Это нормальное явление. Более того, уж если мне дали защитить диплом по хатха-йоге, очевидно, что в научной среде этим занимаются. Есть программы, по которым учатся студенты, есть специалисты, которые читают им лекции. В этом смысле духовная практика как объект исследования органично входит в научную среду. Более того, в РХГА недавно появилась специальность, по которой можно получить госдиплом, занимаясь изучением эзотеризма и мистицизма, фактически студенты получают дипломы специалистов по мистике. Да, эта тема уже становится объектом научных исследований.

– *Случались ли у вас попытки объяснить какие-либо концепции из индуизма, скажем, через математику или физику? Как можно объяснить подобные вещи, никого не обидев и придерживаясь сугубо научной терминологии?*

– Видите ли, здесь, на самом деле, есть некоторый снобизм – по крайней мере, в философской среде: мол, как нам вообще дискутировать? Дискуссия – это не спор! Когда мы с чем-то не согласны, нужно сказать: да, вы совершенно правы, но вот немного не совсем так... Действительно, такие беседы есть, но они, как правило, носят вежливый характер. Мне лично пока не приходилось «нарываться» или доказывать что-то с пеной у рта.

Что касается математиков, физиков и так далее – такие контакты происходят, хотя и реже, чем с гуманитариями, – это больше их удел. Но мой первый научный руководитель Алексей Григорьевич Черняков был кандидат математических наук. Правда, его интересом была больше западная философия, нежели духовная практика.

Однако нам не нужно начинать с нуля, ведь этим уже занимаются в научном мире – взять хотя бы бестселлер Фритьофа Капры «Дао физики». Эта книжка была написана в 70-х годах. Специалист по физике совершенно научным языком излагает восточные учения – и их не только понимают, но и принимают на ура, ведь его уже перевели на десятки языков.

Здесь можно говорить о том, что давно есть традиция такого рода диалогов. Изобретать велосипед не приходится, уже можно действовать в русле этой традиции. А вообще, на тему «Восток и Запад» – если под Западом понимать науку, а под Востоком – мистику и духовную практику, – сейчас есть своеобразная мода. Проводится большое количество конференций, где эту тему затачивают (так, в начале нулевых я участвовала в конференции «Новое мышление на Западе и Востоке»), такие конференции регулярно бывают в психологической среде. Создано некоторое поле, и, когда возникает необходимость общаться на подобные темы, здесь можно уже находиться в некотором контексте, апеллировать к устоявшимся понятиям.

– *В каких отношениях вы с российским йога-сообществом (я подразумеваю именно тех, кто занимается йога-центрами)?*

– Я очень много сотрудничала с йога-центрами, но это сотрудничество было интенсивным, когда я жила в Индии: в частности, они издавали мои книги, печатали статьи в журна-

лах, давали заказы на переводы. Я бы не сказала, что все совсем попсово: люди стараются разобраться в предмете, учатся, дают не только практику, но и пытаются освоиться в теории, поэтому там есть и издательская, и исследовательская деятельность.

В Петербурге и Москве было несколько таких центров, с которыми я контактировала, и надо сказать, контакты эти прекратились не потому, что они чем-то не хороши. Дело в том, что я уехала из Индии и стала заниматься далеко не только йогой. Я начала ездить сначала по Индокитаю, сидеть випассану, а потом вообще поселилась на Бали (который далеко), стала давать там индивидуальные консультации. Контакты у нас прекратились по большей части из-за неактуальности. И, конечно, то обстоятельство, что я работаю на стыке традиций, все осложняет: центрам, которые заточены на одну практику (например, йога-центрам), становится сложно понимать меня, а мне не слишком хочется подстраиваться под них. Для меня это слишком узко, для них – слишком широко и расплывчато. Стыковки есть, но это не настолько плотное сотрудничество.

Если говорить о йога-центрах – хвалить их или ругать, – можно выделить две большие категории. Есть центры, которые занимаются йогой серьезно. Их можно сравнить с маленькими институтами: у них есть свои исследования, публикации, свой наработанный хороший преподавательский коллектив. А есть просто фитнесы, где йога идет вперемежку с велосипедами, гантелями и так далее. Это несерьезно, но никто и не заставляет туда лезть; я с ними не связываюсь.

– *Вас приглашали вести лекции или семинары в институты, университеты?*

– За прошедшие полгода после возвращения в Россию (декабрь 2013-го) у меня состоялся один доклад в РХГА для студентов, именно по специальности «эзотеризм и мистицизм». Признаться, я бы сейчас и не хотела возвращаться в академическую среду, зная ее изнутри – с ее карьеризмом и прочими прелестями. Я достаточно устойчиво себя чувствую, мне свобода дороже, поэтому я не пыталась по возвращении в Россию туда втянуться. Хотя отдельные контакты, как я уже сказала, полезны и продуктивны.

– *Из чего сейчас складывается ваше мировоззрение? Едва ли это имеет отношение к какой-то одной отдельной религии.*

– Действительно, это не имеет отношения к конкретной религии. Началось все с переживания Ахам Брахмасми («я есмь Брахман» или «я – Бог») во время моей третьей поездки к Сатья Саи Бабе в 2002 году. У меня появилось реальное чувство основания в себе как источника деятельности и познания. Я его начала конкретизировать, что вылилось в разработки по «Стратегии самобытности», у которой есть длинный подзаголовок: «Исследование культурных традиций на уровне духовной практики». В этой книге я прослеживаю, как различные духовные традиции связаны между собой, и в конце концов при совмещении разных практик возникает концепция объемного пути. Это развитие не в одной структуре, а охват сразу нескольких культур. Подобные пересечения оптимизируют практику, ведь когда застреваешь в одной системе, возникает инерционность, зашоренность. В конечном счете очень часто это приводит к автоматизму.

Это можно регулярно наблюдать в монастырях, когда монах до конца жизни метет дорожки, а молитва или мантра уже как пластинка воспроизводится, но, даже проведя 30–40 лет в монастыре, он, можно сказать, ничем не занимается. Это мало отличается от старой девы в богадельне, которая вяжет чулки до самой старости. К сожалению, такого действительно очень много – что на личном опыте я тоже поняла.

Стыковки традиций заостряют переходы с практики на практику, они заставляют оптимизировать самосознание. При этом, разумеется, наработки в одних практиках никуда не исчезают, они задействованы в других. Именно здесь для меня самое интересное поле исследований. Я этим занималась в Азии, где можно выделить три главных традиции – индуизм, буддизм,

даосизм. Сейчас я, опять-таки, в рамках «Стратегии самобытности» начинаю развивать тему «Восток на Западе».

– *Как раз об этом я хотела спросить. Как быть с отношением к йоге в РПЦ, которая считает йогу бесовским делом (так один батюшка описывал йогу своей прихожанке, спросившей его о совмещении ее православной веры с этой практикой)?*

– Здесь есть два момента, в которых они правы. Первый: у человека с недостаточно развитым интеллектом, когда он берется за два дела сразу, может поехать крыша, если он не успел разобраться, что к чему. Второе, касательно бесовщины: отчасти это так, если брать те направления йоги, которые связаны с развитием паранормальных способностей, так называемых сиддх. Другое дело, что в самой классической йоге к ним относятся как в христианстве.

Если же полагать целью самореализацию, то, по большому счету, она просто в христианстве называется обожением, а в индуизме – «Атман есть Брахман», вот, собственно, и все. Можно сказать, что разница только в терминологии.

В чем правы церковные служители, так это в том, что люди, которые начинают заниматься йогой, в первую очередь подсаживаются на эдакие штучки, сверхъестественные способности – а это действительно бесовщина, ничего не поделаешь. Они могут быть некими остановками на пути (в «Йога-сутрах» об этом говорится), которые показывают, что развитие происходит. Так же, впрочем, как и у любого христианского подвижника появляются такие способности, – в принципе, это достаточно похоже.

Можно сказать, что людям, у которых развит интеллект и достаточно устойчивая психика, можно совмещать христианство и йогу. Такие случаи есть, у меня у самой был «христианский»

период, и мне до сих пор иногда приходится консультировать по православию, если возникают такие запросы.

– *Вопрос скорее о том, как быть с текущей ксенофобией РПЦ и ее неспособностью слышать.*

– Человек живет церковной жизнью и занимается йогой, а батюшке говорит, что делает зарядку для здоровья – вот, собственно, и все. И все довольны. Реально эти связи можно выстраивать более качественно: в той же Религиозно-философской школе под одной крышей читали лекции и специалисты по христианству, и специалисты по восточным религиям – они дружат, общаются и находят общий язык. Как быть с РПЦ и йогой? Можно не ходить в христианскую церковь и заниматься йогой, можно ходить в христианскую церковь – и тоже заниматься йогой.

– *Рассказывать ли об этом на исповеди?*

– С исповедью очень интересный вопрос, на самом деле. Думаю, что не стоит – тем более, что ведь если вы не считаете йогу грехом, то зачем о ней рассказывать на исповеди? Ведь там же каяться нужно. А если вы уверены, что йога – это хорошо, рассказывать о ней нечего.

С исповедью у меня у самой была интересная ситуация, когда я сама находилась на этом стыке. Тогда речь шла, правда, еще не про йогу, а про принятие буддийского прибежища. Дело в том, что в мою первую поездку в Индию в 1996 году мне не смогли сделать прямой билет в Индию, поэтому я летела через Непал, где у меня был буддийский ретрит. Это длинная история, а вкратце дело кончилось тем, что я приняла буддийское прибежище, чтобы у меня лучше шла практика. Когда я вернулась в Россию после полугода в Индии, понятное дело, как воцерковленный христианин, я пошла на исповедь. Поскольку у меня были связи с Валаамским монастырем, я ходила исповедоваться на Валаамское подворье, а там все серьезно: исповеди слушают тщательно и подолгу.

Я рассказывала обо всем, что делала, и, в частности, что приняла буддийское прибежище. Монах, который меня слушал, на этой фразе наконец «протрезвел». От него изрядно разило перегаром и слушал он меня очень сонно, но, как только я произнесла фразу о буддийском

прибежище, он дернулся, воспрял и понял, что он в своей роли. Он строго меня спросил, как я вообще посмела на исповедь прийти? Исповедь ведь таинство, и, если я приняла буддийское прибежище, я теперь буддист вроде как, поэтому участвовать в христианских таинствах я теперь не могу! Вердикт был таков: пока я не пройду чин отречения от оккультизма (для них все едино – буддизм или не буддизм), я не могу жить реальной церковной жизнью. Как вы догадываетесь, я задала такой «детский» вопрос: «А почему?» На него он ответил очень просто и явно заученно. Фразу я помню до сих пор, она меня потрясла: «Потому что Христос победил Вельзевула!» Надо полагать, Вельзевул – это Будда.

В Азии у меня подобных проблем никогда не было, там буддисты отличаются широкой терпимостью, но, когда я вернулась в Россию, возникли спорадические столкновения с местным буддийским сообществом. Они мне сказали почти то же самое, что в церкви, – раз у меня не только буддийское прибежище, я не буддист. Это касается не только христианской церкви, а всякой церкви вообще.

– *Как вас, человека с Запада, воспринимали ваши восточные учителя?*

– С теми учителями, которые меня не воспринимали, я просто не общалась. Там тоже люди разные. Мой доклад в РХГА был как раз на эту тему – «Чистота традиции: миф или реальность?» Если говорить о Востоке, то найти чистую традицию ныне тоже очень сложно. Даже очень многие традиционные учителя – ведантические санньясины, к примеру, буддийские мастера – они ведь и сами разные практики совмещают! Это очень распространено, и я встречала множество учителей на Востоке, которые совмещают разные практики, интегрируют, а главное, не считают это чем-то плохим.

У некоторых такое отношение: если я пришла учиться по конкретному направлению, меня ему вполне конкретно учат, а чем я еще занимаюсь – мое личное дело, их это не касается. Вот почему особых проблем не было, надо было просто правильно подбирать связи.

– *Как вы сейчас ощущаете присутствие Востока на Западе и наоборот? И где в этом пересечении для вас находится Россия? Я имею в виду конкретный 2014 год.*

– Концепция евразийства давно присутствует в русской религиозной философии, где Россия – мост между Востоком и

Западом. Но вот сейчас это ощущается уже в том, что русские есть везде. Трудно найти страну на Востоке, в которой не было бы русских, которые там занимаются практиками и так далее. Стоило мне начать выбирать в Европу, картина оказалась той же: везде русские. Поэтому, видимо, у русских роль похожа на роль евреев, которые рассеяны по всему миру. Разве что с другим акцентом, но мессианство здесь явно присутствует. Но о корнях не забывают – то, что они русские, это чувствуется, безусловно. Это даже не столько «Россия между Востоком и Западом», сколько «русские повсюду». В текущем 2014 году картина, пожалуй, такая.

Эмиграция за «лучшей жизнью»

«Человек мира»: Эмиграция за лучшей жизнью – странное занятие. *Беседовала Наталья Николаева. 'BALTNEWS' («Балтийские новости»). Таллин, 23 января 2015 г.*

Сейчас уже, наверное, странно вспоминать, что еще лет 20 назад выехать за границу человеку из России/СССР было проблемой. С тех пор, кажется, прошла целая вечность, кто-то из России уехал, кто-то вернулся. А кого-то, например, героиню этого интервью Марию Николаеву, можно, пожалуй, назвать «человеком мира». Мария, после долгих странствий по Азии, живет в России, однако... Впрочем, слово самой Марии, разговор с которой вышел далеко за «туристические» рамки.

– Начнем с главного. Вы прожили 10 лет подряд на Востоке, всего год назад вернулись в Россию, однако, насколько мне известно, не находитесь здесь постоянно, а уже начали выезжать на Запад. Вы успели побывать в Финляндии, Норвегии и Германии. Что тому причиной?

– Дело в том, что это связано с проектом, который я назвала "Восток на Западе", в связи со своей исследовательской позицией, которая отчасти субъективна, разумеется. Передозировка Азией и давно начавшие пробуксовывать в смысле повторяемости ситуации – это симптомы того, что «тема» отработана. Мне нужно было скорректировать свое мировоззрение европейскими реалиями, где теоретическую базу составляет мое первое образование по западной философии, но тогда это была абстракция. Именно поэтому я ставлю вопрос "Восток на Западе", а не просто "Восток и Запад", как зачастую принято. По сути то, что выглядит как "путешествия", – это мои отношения с собой, или самоисследование. Здесь нет никакого "заказа" – все решения, где находиться и куда ехать, я принимаю сама по состоянию. "Восток на Западе" – это Я.

– Вы подчеркиваете, что это исследования или даже самоисследование. Чем это отличается от паломничества (где есть некое ожидание чуда) или духовного туризма, ставшего ныне весьма популярным?

– Это отличается даже от любознательности. Здесь нет ни поисков неведомых чудес, ни желания убедиться в достоверности информации, ни интереса к получению новых сведений, как в туризме. Установка только одна – видеть реальность как она есть. Можно сказать, практика медитации на пересеченной местности! И основная работа – именно над собой, устранение субъективизма, который начинает проявляться при помещении самого себя в новый культурный контекст. Тогда как длительное пребывание в рамках одной культуры стирает контрасты между личностью и средой, а в силу закономерной социальной адаптации теряется грань субъективного и объективного. Нарочитая постановка себя в новые обстоятельства в принципе вскрывает иные пласты сознания. Такая тактика!

– Как же видится Восток на Западе в первом приближении? Хотелось бы услышать конкретные примеры, иначе у нас получается слишком абстрактный разговор.

– Самым ярким впечатлением для меня пока стала ежегодная "духовная ярмарка" в Осло, где представлены всевозможные духовные практики, и прежде всего восточные. Мне предлагали в ней участвовать с предложением своих методик, но я отказалась – не мой формат. Там есть все – йога, медитации, шаманизм, целительство, цигун и пр. Эдакий трехдневный калейдоскоп по совпадению спроса и предложений. Причем, парадокс не только в их представлении в западном маркетинговом варианте, но и в том, что аналогичные мероприятия я видела в самой Азии, например на Бали, по отзывам коллеги бывает в Токио и пр.

Другой занятный случай в Хельсинки, когда я посреди зимы с удивлением обнаружила, что все мои соседи по отелю – азиаты (китаянка, кореянка, индус, китаец и др.) Им было не важно заинтересовать европейцев своей культурой, наоборот, преимущественно студенты стараются познакомиться с западным образом жизни, чтобы привезти его к себе домой. И третий

вариант – при посещении синагоги в Бонне я с удивлением обнаружила, что практически все говорят по-русски! Потом мне рассказывали, что аналогичная ситуация в синагоге Нью-Йорка и др. В последнем случае скорее россияне – это люди с востока, но они действительно там доминируют.

– *Наконец-то Вы затронули русских, хотя сама тема "Мост над Россией" настораживает, не оказывается ли наша страна "в пролете"? А на что сейчас "мода" в России – на*

Восток или на Запад? Мне кажется, что россияне перестали следовать модам, и каждый занимается тем, что нравится...

– Тем не менее, очень правильное определение – "мода", и она существует оазисами на то и другое. В целом, исторически для россиян сложилось некое советское "атеистическое христианство" или "воцерковленное безбожие", ведь попытки возрождения православия в постсоветский период меняют внешние формы поведения людей, но пока мало способны изменить мировоззрение и восприятие за столь короткое время. У меня не пропадает ощущение, что мы по-прежнему живем в светском обществе, где мало верующих. Однако массовыми увлечения восточными практиками, да и западными психотехниками не назовешь. Это удел студенчества и интеллигенции, малый процент населения крупных городов, а от ста пятидесяти миллионов граждан и процента не будет! В данном смысле можно говорить про мост над Россией, под которым она сама живет своей жизнью. Причем, становится очевидным, что мода на йогу у нас уже проходит, волна интереса спадает. Наверное, даже современные направления западной психотерапии сейчас более в моде, они на подъеме.

– *О моде на западную психотерапию мы еще поговорим, а вот по массовости, полагаю, стоит кое-что уточнить. Я склонна думать, что массовость отнюдь не является параметром, согласно которому формируются векторы культурных парадигм. Вы как-то разделяете волну поверхностного интереса масс к йоге, например, и явление продолжения традиции, выражающееся в строительстве храмов, возникновении общин, предполагающих в числе прочего образовательную деятельность?*

– Так ведь и я об этом! Поверхностный интерес к йоге, или мода, никогда не касался самих масс, которые продолжают строить православные храмы. Тем не менее, йога считается популярной и без массовости. А христианская образовательная деятельность усугубляет социализацию верования, утрачивая исконный христианский смысл личных отношений с Богом напрямую, без посредников. Я неоднократно говорила, что церкви не приходилось бы бороться с йогой как внешним влиянием, если бы она выдала в массы реальное духовное делание, которое имеется в христианстве и изложено наиболее полно в "Добротолюбии". А сейчас церкви трудно что-то противопоставить восточным духовным практикам, кроме морализаторства, ведь настоящая духовная жизнь – удел монахов. Мирянам не хватает серьезных духовных технологий в христианстве, тогда как они есть, но скрыты – вот и приходится обращаться за внутренними практиками к йоге.

Для бирманца или тайца считается обычным делом провести отпуск в буддийском монастыре, погрузившись в медитативный ритрит, – вы можете хотя бы отдаленно представить себе такую норму в России? Так почему бы не быть у нас "моде" на випассана-ритриты, коль скоро не проводятся христианские затворы. Особенно молодежи нужны реальные духовные вызовы, глубокое самоисследование. Впрочем, некоторые попытки под заголовками "христианская йога" уже появлялись – дело времени. Пока возникновение общин поддерживает скорее ритуальную часть религии, что тоже не плохо. Но по конституции Россия была и останется светским государством со свободой вероисповедания, поэтому векторы культурных парадигм неизбежно множественны, и к одному православию никогда не сведутся.

– *Теперь интересно узнать, а как, на Ваш взгляд, выглядит жизнь западных психотерапевтов в самой Европе? Каков он – профессионализм психолога, и насколько хороши западные стандарты?*

– Сложный вопрос, поскольку ответ будет очень субъективным, но я сразу это отрефлексирую. Наверное, мне не слишком везло, однако по факту несколько личных встреч с психологами оставили впечатление, что у них самих проблем не меньше, нежели у их клиентов. Конечно, я воздержусь от называния имен, которые все равно неизвестны русскому читателю, ведь речь идет о простых тружениках в сфере психологии.

А проблемы во всем – и в личной жизни (разводы, конфликты), и со здоровьем (вплоть до инфарктов от стресса), и в самой занятости (потеря клиентуры, уход с работы). Интересно, что здесь ярче всего проявляется актуальность темы "Восток на Западе" – большинство известных мне западных психологов сами пытаются заниматься восточными практиками, которые постепенно интегрируют в свои якобы западные методы, просто переименовывая технологии! Более того, они используют их для самореабилитации, будучи истощены энергетически своей нелегкой работой, где они постоянно контактируют с замученными проблемами людьми. Но подчеркну, что здесь сильно избирательное внимание, ведь встречи происходят "по интересам", и с упертыми сторонниками западного психоанализа и т. п. мне едва ли довелось бы пересечься... Но занятно то, что наивные россияне зачастую получают "восточные практики в западной упаковке"! Именно такие продукты легче падают в российский бурный поток с прямого моста "Восток – Запад".

– *Позвольте усомниться: так уж ли наивны россияне? Порой создается впечатление, что профессионалы от западной психологии в России весьма скептически относятся к восточным практикам. В то же время человек, более или менее серьезно практикующий йогу в течение хотя бы пяти лет вряд ли обратится к психологу. Возможно здесь наблюдается разрыв?*

– Я имела в виду россиян как клиентов, а Вы переспрашиваете о россиянах-профессионалах, которые не имеют права быть наивными, на то они и специалисты в данных вопросах. Разрыв здесь отчасти по-прежнему сохраняется, как и было до начала взаимопроникновения между западными и восточными практиками. И если занимать позицию "классика" (психологии или йоги), то можно настаивать на разрыве, тогда моста нет – ни над Россией, ни на территории России, ни в виде самой России. Но меня интересуют новаторские тенденции, а они очевидны, когда мосты все-таки наводятся, и синтезы как со стороны западников, так и со стороны восточников наблюдаются в пространстве российском, если мы готовы их выявить и признать существование таковых. Зайдите на портал "Самопознание" – и таких примеров среди столичных центров наберутся десятки, если не сотни. Главное уметь видеть данную реальность. В своих исследованиях я помещаю в фокус именно направление эволюции на синтез и глобализацию. И здесь славянофилы, если таковые сохраняются в чистом виде, тормозят процессы интеграции. А изолировать Россию, действительно, не удастся!

– *Да, известно, что любая традиция в той или иной мере развивается. Как Вы полагаете, вносит ли Запад свой вклад в развитие восточных традиций? Или скорее психотехник? Набирающая большую популярность аэро-йога возникла на Западе. Можно ли сказать, что это – вклад в традицию йоги?*

– Безусловно, это один из примеров обратного влияния Запада на Восток, которое мне трудно анализировать, поскольку оно движется, если можно так выразиться, сейчас "по встречной полосе" по отношению ко мне самой. Но я наблюдала аналогичные процессы еще в самой Азии. Так, при встречах с традиционными балийскими целителями, весьма популярными среди "духовных туристов", из личных бесед мне удавалось узнать, что они используют западные методы, например, НЛП.

Представляете, западный человек едет за тридевять земель за исконной восточной премудростью, а в итоге получает завуалированный сеанс психотерапии, причем несколько об этом не догадываясь? Я не к тому, что это плохо – это неизбежно, ибо влияние не бывает односторонним, это всегда взаимодействие. Посмотрите хотя бы на христианские храмы в Индии, где распятие увито гирляндами по индуистским обычаям и пр. Главный вклад Запада в тра-

дицию йоги в самой Индии – это создание образовательных институтов и проведение научных исследований, так что можно получить ученую степень "магистр йоги" или "доктор йоги", которая не дублирует традиционный статус пандита, ведь критерии "научности" будут именно западными.

– *Почему западный человек вообще испытывает интерес к восточным практикам? Это деградация христианства или следствие глобализации и обилия информации? По моим наблюдениям, греки сохранили традиционный уклад жизни. Это выглядит как привычные "тусовки" в церквях...*

– Что можно, кстати, сравнить с поведением балийцев в своих храмах! Занятно, приезжие западные туристы зачастую шокированы, насколько вольно балийцы ведут себя во время церемоний – могут смеяться, болтать, отвечать по мобильникам и пр. Казалось бы, пренебрежение собственной верой, но как им еще себя вести, когда у них полжизни проходит в храме? Это просто дом родной, где собираются близкие люди и такие же близкие предки и боги. Наверное, это даже подчеркивает то явление, что сакральное пронизывает профанное – между двумя пространствами трудно провести границу.

В Европе меня поразили абсолютно пустые церкви, –

заходишь в огромные прекрасные соборы, а там совершенная пустота, ни души! Даже во время службы, например, в главном соборе Осло я увидела не более двух десятков пожилых людей, а ведь он может вместить с полтысячи прихожан. Похожая картина была в Хельсинки и Бонне. Вот только знаменитый Кёльнский собор был полон народу, однако не верующих, а... туристов. У меня даже сложилось впечатление, что священство выполняло функции гидов по храму, отвечая на вопросы, например, как подняться на колокольню и т. п. Однако я думаю, Вы правы, интерес к Востоку скорее следствие глобализации, а угасание христианства происходит само собой, йога здесь не виновата. А вот что касается Греции – вскоре я намерена туда направиться, правда, меня больше интересует античность. Из предварительной переписки с греческим бодибилдером я успела понять, что религия нужна им скорее в качестве морального закона, чтобы был порядок в обществе, а не как таинство веры.

– *Не готова привести точные цифры, слышала, что Россию в 2014 году покинуло больше эмигрантов, чем за все годы этого века. Помимо экономического кризиса, почему многие хотят уехать? Интересно, именно Ваше мнение, Ведь Вы в как раз в 2014-м году вернулись.*

– Тут надо смотреть куда уезжают. Восток подкупает прежде всего природой, а потом – колоритной культурой. На Восток нечасто уезжают за благами цивилизации, хотя ими пользуются там все состоятельные люди, это совсем не проблема.

Но уезжать на Восток в поисках "лучшей жизни" было бы немного странно, комфорт там действительно для избранных, а народ живет беднее русского, такие эмигранты выбирают Запад.

Признаться, я не заметила большой разницы между Европой и Петербургом, а многое говорит в пользу последнего. Это отмечали также мои европейские знакомые, с которыми я встречалась здесь. Так, норвежец был готов сравнить северную столицу разве что с Римом, а свой Осло стал именовать не иначе как "большой деревней". Голландец говорил, что любит приезжать в Петербург, поскольку ему нравятся вежливые русские люди в отличие от "хамовитых" европейцев. Американцы развели целую дискуссию о проблеме самоидентификации в качестве "американского гражданина" и сошлись на том, что США уже не та свободная страна, так что лучше уж в России жить.

У меня есть знакомые из Эстонии и Латвии, которые здесь живут и хотят российское гражданство. Возможно, это нестандартные заявления, но я лично их слышала, хотя Петербург – не про всю Россию. Эмиграция за лучшей жизнью – странное занятие, дело ведь в самом человеке, а ему будет одинаково тяжело в любой стране, если он целенаправленно не зани-

мается саморазвитием. А вот если занимается, поездки во благо, и здесь мы возвращаемся к самому началу – методике самоисследования.

Взгляд философа на Грецию

Йога, Путин и Сократ. Взгляд философа на нынешнюю Грецию. Журналист Аркадий Бейненсон для портала «Русские Афины». Беседовала Наталья Николаенко. 2 апреля 2015 года.

А хотите взглянуть на, казалось бы, давно известную вам Грецию со стороны? Причем со стороны не только «пространственной», но и временной, культурно-религиозной. Той стороны, которая, как ни парадоксально, зачастую оказывается «изнутри». Дело в том, что героиня этого интервью портала «Русские Афины», писатель, специалист по философии Мария Николаева – защитила свой первый диплом по Аристотелю, долгое время прожила в Азии, от которой, по ее собственным словам, случилась «передозировка»... Впрочем, рассказывать о Марии можно долго, но гораздо интереснее прочесть ее очерк, посвященный Греции. Наслаждайтесь!

– Будучи профессиональным философом, Вы ведь отправились в Грецию как на родину западной философской мысли, а не загорать на пляже, не так ли?

– Начну сразу с кульминации, которая произошла посредине моего месячного пребывания в Афинах. В феврале было холодно и шел настоящий снег, поэтому как-то я решила побыстрее срезать свой путь в районе Евангелизмос по маленькой улице и попала на большое зеленое поле, которое скорее напоминало пустырь, если бы не табличка уже привычного мне археологического формата. Останавливаюсь и читаю: "Трудно поверить, глядя на этот скудный участок раскопок, что вы находитесь на одном из самых значимых мест в мире, где творилась величайшая история человечества!" Да, это были руины ликеона, где Аристотель создал большую часть своих трудов, включая "Метафизику". По этому трактату была написана моя первая дипломная работа на степень бакалавра философии (1992–1996), опубликованная впоследствии в сборнике научных трудов ВРФШ и доселе доступная на сайте философского факультета СПбГУ. В корпении над древнегреческим оригиналом аристотелевского трактата я провела лучшие годы своей молодости... И вот теперь такой безлюдный пустырь в холодину! Ирония судьбы или просто возможность видеть реальность, как она есть: ничто не вечно, кроме мысли... Встреча с бывшим Учителем случилась само собой – я ведь даже не собиралась искать данное место, но, как водится, все великое валяется под ногами... Так что остальные события сильно померкли, больше ничего описывать столь подробно не буду.

– Насколько ощущается Вами культурный разрыв между древней и современной Грецией? Иными словами, насколько Ваши ожидания разошлись с действительностью?

– У меня и образа-то никакого не было! Конечно, переориентация на восточную философию и 12 лет в Азии сильно перекрыли мое классическое образование. Но даже тогда я ничуть не представляла себе карту Греции, например, где кто жил. Были одни абстрактные понятия, стремление видеть идеи! И вот на этом уровне мне было интересно заметить, как трансформировались те смыслы, которые вкладывались в знакомые мне слова из древнегреческого, в психологии современного грека. Так, наиболее яркий пример – алетейя (истина), о которой были написаны целые статьи, прижившаяся в русском языке давно без перевода, даже целое издательство так называется. Один знакомый грек (причем, далеко не философ, а руководитель на нефтеперерабатывающем заводе) объяснял мне "алифию" на совершенно банальном примере супружеской измены. Дескать, моя жена гуляла с бойфрендом, ну и что? Лифи! Забудем об этом! Конечно, он все помнит, но это больше не связано с реальностью, не считается за истину, тогда как алифия делает боль вновь несокрытой, приходится проходить через исцеление травмы, и тогда истина – это "воспоминание"... Я приводила этот пример, выступая недавно на научной конференции в Петербурге, где ученые мужи предположили, что алетейя- "мертвое" понятие, не используемое в современной практике.

– *Наверное, здесь сказывается специфика образования. На философском факультете СПбГУ мы подробно изучали карту Греции, я прекрасно помню, кто где жил... А как было у Вас?*

– Сразу после Перестройки в начале 90-х годов появились институты, дающие альтернативное образование, и некоторые из них впоследствии получили государственную аккредитацию. Высшая Религиозно-Философская Школа делала акцент на воспитание настоящих мыслителей, поэтому нас учили именно мыслить, а не запоминать, кто что сказал и где жил. Ежедневная зубрежка древнегреческого языка на протяжении 4-х лет была не самоцелью, а средством для прочтения оригиналов великих философов, которые обсуждались очень тщательно, порой по несколько страниц за семестр. Важно было не просто выучить, например, что Платон считал идею блага идеей всех идей, а проделать мыслительную работу по созерцанию идей, чтобы подтвердить данный вывод на собственном опыте, а возможно и попытаться опровергнуть, если Платон был не прав! То есть мы вчитывались в каждое слово оригинала, воспринимая все оттенки его значения. Уровень проникновения был настолько высокий, что уже на третьем курсе меня пригласили вести спецкурс в другой вуз (институт иудаики), где узкий круг слушателей состоял наполовину из преподавателей. Конечно, за пару десятилетий я успела "забыть" древнегреческий, но меня спасает алетейя. Мне кажется, интересующиеся греческой культурой должны знать о таких возможностях в России.

– *И все-таки, удалось ли Вам испытать некое переживание присутствия в древности?*

– Наибольшее впечатление на меня произвела темница Сократа, которую, впрочем, пишут обычно в кавычках, и все же... Меня привел туда случайный итальянец, повстречавшийся мне в первый же день на Акрополе, после чего я погрузилась там в медитацию, а ему не хватило терпения дожидаться. Да, я пользуюсь здесь термином "медитация" в западном смысле – глубокое размышление... Вся безлюдная зимой обстановка зарешеченных пещер располагала к тому, чтобы прочувствовать состояние обвиняемого и приговоренного к смерти философа. Все-таки я сама философ, а самостоятельное мышление потенциально наказуемо в любом государстве – это профессия с риском, причем максимальным! Свобода от мнения людей, а главное богов, чрезвычайно опасна! Позже я приходила к темнице Сократа достаточно регулярно – это было одно из любимых мест, тем более что она расположена в историческом центре и часто оказывалась по пути... Позвольте напомнить, что всего несколько лет назад в Греции прошел официальный суд и формально оправдал Сократа! Законная реабилитация более двух тысяч лет спустя, конечно, нужна не Сократу, который ничуть не сомневался в своей правоте, а самим грекам – восстановление пиетета к свободомыслию. Наверное, в современной ситуации политической и экономической зависимости это крайне важно для национального самосознания, чтобы прекратить молиться на современных "богов" – деньги.

– *Это говорит о внутренней цельности! Как известно, пифия в Дельфах провозгласила Сократа мудрейшим из людей, хотя он отказался от посвящения в мистерии. А какое впечатление на Вас произвели Элевсина и Дельфы?*

– Посещение обоих мест для меня связано с моим греческим другом Антонием, которого я уже упоминала. В Дельфы он возил меня на своей машине, где сам бывал еще школьником, но довольно подробно мог объяснить все вокруг. Надо сказать, как грек он не верит ни в каких богов – ни языческих, ни христианских, а считает необходимым наслаждаться жизнью здесь и сейчас, ибо другой не будет. Поэтому поездкой в Дельфы без пифии мы действительно наслаждались – прекрасные виды на горы, старые деревушки, древние монастыри проездом... Но вот что трогает даже грека-атеиста, так это исконное греческое искусство – он сам ходил по музею, куда собрали все статуи с археологического сайта, как замороженный, периодически восклицая "Как прекрасно!" А вот на месте Элевсинских мистерий я была одна, когда он был на работе всего в паре километров оттуда. Дело в том, что в Элевсине находится один из крупнейших нефтеперерабатывающих заводов – вот такая современная мистерия (нефть как энер-

гия)! А руины храма были абсолютно пустыми, туристы отсутствовали в не-сезон, и зрителю даже пришлось специально для меня отпереть двери музея. Будучи в одиночестве, там я смогла снова погрузиться в прочувствование духа древности, провалиться во времени вглубь веков, наверное более часа просидев и вовсе неподвижно... Впоследствии на участке Керамикос в Афинах я прошла через остатки древних врат, через которые посвящаемые в мистерии проходили из Элевсины в Акрополь и обратно.

– *Во времена Сократа никто и представить себе не мог, что на месте разрушенных языческих храмов появятся христианские церкви. Насколько сильным представляется наложение?*

– Для меня символом христианского мессианства стало место проповеди Св. Апостола Павла в древнем Коринфе. Уж больно наглядно – кругом мраморные руины с полуразрушенным храмом Аполлона, а почти в центре "площадка" для новозаветного воззвания к народу. Конечно, в самих Афинах тоже можно увидеть христианские храмы прямо посреди античных развалин. Например, православная церковь на месте древней Агоры, где уцелел тоже лишь храм Гефеста, который был превращен в церковь Св. Георгия в 7-м веке – и возможно лишь потому сохранился... Это был вполне традиционный принцип религиозного завоевания, когда христиане ставили свои церкви на руинах языческих храмов или просто использовали их для совершения богослужений новой религии. В некотором смысле, они использовали их как "места силы", ведь народ привык молиться в данных местах, оставалось лишь "подменить" мировоззрение, убедить молиться иначе и другому богу. Здесь я рассуждаю с позиций религиоведа, а вовсе не как верующая, конечно. Подобные схемы "духовных завоеваний" можно найти в истории многих других народов. Например, возьмем нарочно очень отдаленный пример – переделывание индуистских пещер под буддийские монастыри во Вьетнаме и пр. Опыт показывает, что это работает – и массы способны сменить веру! Причем, именно целыми народами, в массе это сделать проще, несмотря на стойкое сопротивление отдельных героев той или иной религии. Так, ведь крещение Руси произошло тоже массово...

– *Греция – одна из немногих стран, где церковь не отделена от государства. Вы можете сравнить ситуацию в греческой приходской церкви с таковой в других странах Европы?*

– Прежде всего и перво-наперво – посещаемость, как ни странно! В таких странах, как Германия, Норвегия и Финляндия, меня удивляла пустота огромных соборов – и полных баров по контрасту. Греки не любят возводить громоздкие соборы, но вот небольшие церквушки всегда полны народа, где прихожане знают друг друга и ведут себя по-соседски, а то и по-семейному. Каждое утро я просыпалась под колокольный звон, доносившийся с местной церкви в пригородном районе Агия Параскеви, и неоднократно заходя туда по пути, я могла убедиться, что службы посещают не только пожилые люди, но и молодежь. Правда, сравнительно с православными обычаями удивляют некоторые отличия – так, женщины не покрывают головы платками, даже служащие при церкви. Кроме того, всегда есть места для сидения, как в протестантских церквях, чего нет в России. Много строится новых церквей, причем иногда причудливой формы – пару раз я издали даже принимала их за нечто иное. Впрочем, заброшенные опустевшие монастыри в горах тоже попадались. Как заметил мой греческий спутник, а какой смысл сидеть взаперти, когда жизнь вокруг так прекрасна? Стирание границ сакрального и профанного тоже любопытно – так, перед древней церковью на площади Монастыраки весь день проходят концерты разных групп, даже африканских. Дверь в церковь часто не закрывают – вот я сижу перед иконостасом под трансляцию через мощные динамики песни на испанском о герое кубинской революции Че Гевара, а зритель ничего не предпринимает! Да и что может помешать молитве, спрашивается? Или что может помешать рок-н-роллу, спрашивается?

– *А вообще, живо ли исконное христианство в Греции, как Вам показалось?*

– "Дух дышит, где хочет" – и контакты с ним происходили зачастую неожиданно. Так, часовня на самой высокой горе Ликабет не оставила глубокого следа в восприятии, но я все-

таки не паломник в смысле ожидания чуда. Однако, совсем неожиданно "накатило" в другой небольшой церквушке, когда я спустилась и направилась от главной афинской площади Синтагма снова в направлении Акрополя – посреди улицы Эрму в углублении со ступеньками вниз стоит совсем маленький храмик без единой надписи и датировки, но сразу видно, что очень древний. Хотя на площади гремела музыка, проникая даже вовнутрь, а у входа распоряжалась громогласая смотрительница, пройдя к алтарю и усевшись напротив, я буквально "провалилась" в глубокую тишину – то, что называется "намоленное место", способное погрузить в спонтанную "медитацию" само собой без всякого намерения. Я никогда не молюсь – мне давно уже нечего "просить" у Бога. Спустя час-другой обеспокоенная смотрительница потрясла меня за плечо и указала на дверь, дескать, пора полы в церкви мыть по расписанию, но судя по всему просто обеспокоилась, как бы чего не вышло:) Однако, я вернулась туда на другой день уже намеренно. Оказалось, что это действительно одна из древнейших афинских церквей Капникарея, датируемая аж 11-м веком. Неподалеку стоит огромный собор Благовещения Богородицы, или Митрополис (сейчас в лесах на реставрации) с другой маленькой церковью Панагия Горгоепискоос (12-й век), а вышеупомянутая церковь на площади Монастыраки по описанию даже древнее первой! Так я увлеклась церквями характерного "афинского стиля" и в один из дней обошла их все в центре Афин по значкам на карте.

– *История повторяется: как христиане уничтожили язычество, так позже пришли мусульмане на почти целых 400 лет... Какие впечатления сохранились о том периоде?*

– Всего в 15 минутах езды на машине от моих съемных апартаментов, но уже фактически за городской чертой находится знаменитый монастырь Пентели, куда меня возил мой греческий друг. Антоний рассказывал, что здесь находилась "скрытая школа", где продолжали тайно учить детей греческому языку в эпоху турецкого владычества. Сейчас сама школа закрыта – и вообще половина монастыря на реконструкции, однако там тихо и пусто, вполне по-молитвенному. Но гораздо более символична старая мечеть в центре столицы. Османской мечети 18-го века на одной из главных афинских площадей Монастыраки досталась незавидная участь после свержения турецкого ига: довольно долго ее использовали как городскую тюрьму, и доселе на окнах решетки! Впрочем, столетие назад появилась идея превратить мечеть в музей "фольклорного искусства", что тоже отдает иронией, дескать все турецкое здесь маргинально:) Однако гонимые экспонаты действительно отдают неким синкретизмом, что, наверное, делает честь грекам в плане выбора подхода к преодолению трехвекового культурного подавления... Греция – родина демократия, и никакое "демо" грекам не чуждо, простите за каламбур! Но вот действующих мечетей я не встречала, а однажды в темноте мне показалось, что мы проезжали минарет (на самом деле колокольню), на что мой греческий спутник отреагировал моментально: "Мечеть у нас здесь? И думать забудь!"

– *А ведь мусульмане спровоцировали укрепление единства греческой нации, да и дружбу с Россией, не так ли? Вас коснулся греческий кризис – какие-то примеры единства народа?*

– Я не бывала на демонстрациях с самых советских времен... Сначала собралась на вечерний сход греков на главной площади Синтагма вместе с Антонием, но у него возникли проблемы на работе (это называлось "аварийная остановка двигателя второй турбины") и он не смог уйти раньше, однако заверил, что там "ничего страшного", все мирно – и я пошла сама, коль скоро было запланировано. Действительно, греки вели себя даже в толпе очень вежливо, никто не толкался, пропускали друг друга... Несмотря на дику (для греков) холодину толпа была внушительная, не поместилась на площади и расплзлась по примыкающим улицам, народ подпрыгивал от холода, но никто не расходился – так что я ушла раньше, ибо с народным волеизъявлением все было уже ясно:) Да, кто бы мог подумать, только не я сама, что буду стоять с греками на главной площади Афин, когда более 3-х лет назад, сидя на веранде своего домика на острове Бали, я писала теоретические рассуждения из серии

"Безумный мир" под названием "Мечта Греции, или Экономическая достоевщина"... Конечно, это была демонстрация в поддержку нового правительства, что в современном мире довольно необычно, ведь гораздо чаще собираются свергать правительство. Греков сейчас объединяет общая надежда, и отчасти эта надежда связана с Россией. Нередко спрашиваю у кого-нибудь на улице, как пройти к такому-то музею, а прохожие, выведав, что я русская, сразу восклицают с восторгом: "О, Путин!" – и даже – "Это настоящий герой – он любит свою страну!" Даже рядовые греки действительно доселе помнят, что своей независимостью они обязаны и России.

– *Мусульмане для греков – нашествие с Востока. Как относятся греки с более отдаленным восточным религиям? Становится ли у них популярна йога, как это происходит в Европе?*

– Сложный вопрос, поскольку ответ предполагается многоплановым... Конечно, йога у них есть – но скорее, как часть туристической отрасли, например, на озере с горячими источниками возле Афин. Когда я искала йогов среди греков, я вдруг обнаружила интересное явление в социальных сетях, – это множество профилей греческих бодибилдеров. Заинтересовавшись этим явлением и пообщавшись с некоторыми из них лично, я поняла, что здесь есть некая преемственность "физической культуры", где они занимаются выстраиванием и трансформацией своего тела по моделям Аполлона (красота) или Геркулеса (сила). Меня даже сводили на тренировку в фитнес, чтобы я могла убедиться в усердии своими глазами – да, греки очень серьезно относятся к телу. Вот почему йога как физическая практика им просто не нужна, а на духовном уровне она направленно пресекается православной церковью. Некоторые пытаются внедрить так называемую "христианскую медитацию", но тщетно. Тем не менее, восточная эзотерика отчасти в моде как побрякушки – один из моих знакомых греков содержит эзотерический магазинчик в самом центре Афин, где полно индийских благовоний, статуэток Будды и пр. К слову, его дед был китайцем родом из Гонконга, так что понять данную склонность нетрудно, а его родители владеют турфирмой, и он сам часто ездит по Азии. Но в остальном восточный след прослеживается довольно слабо, хотя я надеялась найти некие исторические параллели, однако почти безуспешно, обойдя с полтора десятка музеев. Что и говорить, моя давняя статья "Греческие свидетельства об Индии" остается абстрактной литературой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.